

– подборка шестнадцатая –

ВОСПОМИНАНИЯ
праведной ребецн
Ханы,

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Ицхока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 16

Published and Copyrighted © 2012

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России

Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию 16-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

28 тевеса 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера

. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедаљи, 5708 года (17.09.47 г.)¹⁶¹

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

[14 кислева 5709 года]

* * *

Поделиться последним куском хлеба...

В силу многих причин эпидемия тифа — да хранит нас Всевышний от подобных несчастий! — ширилась все больше и больше. Поскольку условия жизни и без того были не самыми лучшими, результаты эпидемии оказывались гораздо хуже, чем могли быть в другие, более спокойные времена.

К одному из близких нам людей, тоже ссыльному, который часто бывал у нас дома, приехали жена и дочь, однако положение его от этого не улучшилось. Как-то он зашел к нам в ужасном состоянии: лицо опухшее, желтого цвета, как обычно бывает от сильного голода — дай Б-г, чтобы вам не пришлось видеть подобного! У этого человека не было работы, а значит и возможности добыть пропитание себе и семье. У нас на столе лежало несколько кусочков хлеба, которые он разглядывал такими горящими глазами, что я предложила ему взять их и съесть, хотя это было наше самое большое достояние (на завтра хлеба в доме уже не оставалось). Сделала я это не в силу какой-то особой своей доброты — просто при одном взгляде на этого человека у людей, как мне кажется, исчезали все прочие мысли, кроме одной: с ним нужно поделиться последним куском хлеба!

Спустя какое-то время этому еврею удалось устроиться сторожем на бахче с дынями. Работа считалась одной из самых доходных,

¹⁶¹ Дата написания записок, указанная самой ребецн.

однако сторожу приходилось много часов простаивать под открытым небом, на морозе со свирепыми ветрами. Он взялся за эту работу, не считаясь с неважным состоянием здоровья, так как здесь была возможность получить приличный паек и накормить семью.

Вечером он должен был вернуться домой, но не пришел. Утром к нам прибежала его жена, отправившаяся на поиски... Опуская подробности, скажу, что вскоре его обнаружили замерзшим на пути с поля домой. Ослабленный организм не вынес холода.

Похоронить еврея по-еврейски

И снова¹⁶² перед нами встал вопрос: как похоронить еврея по-еврейски? Переживания моего мужа по этому поводу я не в состоянии описать словами. Взяв с собой одного еврея из Харькова, который был очень к нему привязан, он отправился в дом покойного, расположенный достаточно далеко от нас. Он позаботился о том, чтобы тело умершего перенесли с поля в дом, и сам сделал все необходимое, включая *та́гару*¹⁶³ — несмотря на трудности с водой. После этого тело принесли на местное кладбище, где к тому времени был уже целый ряд еврейских могил, - да убережет нас Всевышний! Этот ряд, как требует того еврейский закон, был отгорожен от остального кладбища, чтобы не хоронить евреев рядом с неевреями...

Могилу харьковский еврей выкопал сам. Он в прошлом был богатым человеком и не очень-то привык к физическому труду, но когда увидел, как близко к сердцу принимает все происходящее мой муж, у него само собой возникло желание это сделать (так он мне потом рассказывал). Когда могилу засыпали землей, харьковский еврей вынужден был принять помощь моего мужа, хотя его расстраивало, что раввину приходится заниматься такой тяжелой работой. Выхода не было — каждая лишняя минута на таком морозе могла обернуться серьезными проблемами со здоровьем.

Все сделали, как полагается по закону, прочитали *кадиш*... Домой муж вернулся со слезами на глазах и настолько замерзший, что ему потребовалось немало времени, чтобы согреться и прийти в себя.

С отдачей всех сил...

Прошло недели три, и такое же несчастье случилось с еще одним ссыльным — евреем из Румынии¹⁶⁴, бывшим помещиком, который

¹⁶² См. 14-й выпуск «Воспоминаний».

¹⁶³ Ритуальное очищение умершего, для которого необходимо большое количество воды.

¹⁶⁴ См. о нем в 10-м выпуске «Воспоминаний».

часто бывал у нас в доме. Это была настолько ужасная трагедия, что я и сейчас не в силах подробно описать происходившее в те черные дни. Отмечу лишь, что муж мой потратил немало сил на то, чтобы забрать тело из больницы. Также ему было очень важно получить у врачей справку, что причиной смерти явился сердечный приступ, поскольку умерших от сыпного тифа полагалось хоронить в особом месте неподалеку от больницы — естественно, не обращая внимания на то, к какой нации они относятся.

Мой муж делал это, отдавая всего себя, с такой, как я это называю, «силой святости»! Мне до сих пор непонятно, где он находил силы физические — бегать в разные места, все организовывать, преодолевать неслыханные трудности, не считаясь ни с чем. И это притом, что каждая вещь, которую он делал, грозила реальной опасностью, о чем он прекрасно знал. Наверное, ему было страшно, как любому человеку на его месте, но в подобные моменты мой муж не занимался расчетами: опасно — не опасно, просто делал то, что нужно было делать...

Может быть, в заслугу этой самоотдачи, этой силы святости он — в страшной ссылке, после всех страданий, которые пришлось перенести, — удостоился того, чтобы прожить последние несколько месяцев окруженным всеобщим уважением. А если бы не огромные усилия, приложенные двумя братьями, самыми обычными молодыми людьми (хотя такой уровень самопожертвования, который был им свойственен, я не знаю, где можно найти), его, несомненно, ожидала бы та же участь, что и двух вышеупомянутых евреев.

Телеграмма от старшего сына

Шло время — один день похож на другой. Скоро уже должен был подойти к концу пятый год пребывания моего мужа в ссылке¹⁶⁵. Война еще не закончилась, и ссыльным вроде него все еще не разрешалось проживание в больших городах — даже в таких отдаленных районах страны, как Казахстан. В Днепропетровске, судя по всему, евреев практически не было — мы даже не смогли найти людей, которым можно было написать и узнать, что там происходит после всех этих лет. Из наших родственников, слава Б-гу, никто в Днепропетровске не остался, чтобы разделить участь большинства евреев города, уничтоженных нацистами. Однако как именно сложилась их дальнейшая жизнь, мне, увы, неизвестно до

¹⁶⁵ Из этих слов ясно, что ребецн возвращается в своем рассказе к 5704 (1944) году — последнему году жизни р. Леви-Иццока.

сих пор¹⁶⁶. Знаю только про одного из братьев мужа, который тоже сидел в лагерях¹⁶⁷...

Дальше жить в Чиили не было никакой возможности, но «откуда придет помощь мне»¹⁶⁸? Хотя бы сменить дом, в котором мы жили, ведь он нам совершенно уже опротивел! Но поиски нового шли тяжело — все эти осмотры здешних лачуг и беседы с неевреями, жившими там...

Эвакуированные начали потихоньку возвращаться в города, которые они покинули, спасаясь от гитлеровского нашествия, и в Чиили стало спокойнее. Но нам следовало по-прежнему соблюдать осторожность, так как за каждым нашим шагом следили так же пристально, как и раньше. Впрочем, в чем-то стало легче жить даже нам.

Нам пришла телеграмма из Ташкента, что в местной общине (точнее, в московской общине, многие члены которой в то время находились в эвакуации в Ташкенте и обычно отвечали на подобные запросы) получена телеграмма от нашего старшего сына¹⁶⁹. Он спрашивал: «Известно ли местонахождение моих родителей и брата отца?» (Брат моего мужа к тому времени уже находился в Мире истины, но об этом тогда знала только я; от мужа я скрывала это печальное известие.)

Мы тут же сообщили в Ташкент наш адрес, на который через пару недель получили телеграмму, подписанную «Мендл, Муся». Радость буквально осветила наш дом!

Увы, из телеграммы мы смогли разобрать только подпись, сам же текст, написанный по-английски, был нам совершенно не понятен! И никто не мог нам его перевести — среди эвакуированных было несколько человек, занимавшихся на «курсах иностранных языков»¹⁷⁰, но они учили другие языки, не английский.

На поиски ушла неделя, в конце концов мы нашли школьного учителя, который жил в нескольких километрах от нас (это расстояние, естественно, мне пришлось пройти пешком). Ему удалось, хоть и не без труда, перевести телеграмму сына. Словно

¹⁶⁶ То есть до времени написания этого фрагмента «Воспоминаний» — 5709 (1949) года.

¹⁶⁷ Раввин и гаон р. Шмуэль Шнеерсон (5648 — кислев 5704/ декабрь 1943) был арестован и 4 тамуза 5701 года (29 июня 1941) приговорен к трем годам лагерей в Сибири (в районе города Томск). Через полтора года, в месяце адар-I 5703 года (в феврале 1943), он был освобожден по состоянию здоровья (сильное истощение и сердечная недостаточность) и поселился в городе Чарджоу (Туркмения), у своего сына Менахема-Мендла, которому чудом удалось вырваться с захваченной немцами Украины. Там он скончался и был похоронен на еврейском кладбище в Чарджоу.

¹⁶⁸ Тегилим, 121:1.

¹⁶⁹ То есть от рабби Менахема-Мендла Шнеерсона, будущего седьмого Любавичского Ребе.

¹⁷⁰ Эти слова в рукописи ребецн написаны по-русски.

зазвучал в наших ушах родной голос, домашний голос, которого нам так не хватало!

Примерно тогда же мы получили две продуктовые посылки, и наше положение несколько улучшилось. Но главная трудность осталась — здоровье наше было уже сильно подорвано. И вопрос «что делать?» стоял по-прежнему очень остро.